

Борис Солоневич

Женщина С ВИНТОВКОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЧЁРНАЯ СОТНЯ

Перед вами первые две главы книги Бориса Солоневича
«Женщина с винтовкой».

В полной версии книги более 150 страниц увлекательных
и проникновенных приключений простой русской девушки,
«в тяжёлую годину Родины взявшей за тяжёлую винтовку».

Приобрести книгу можно на сайте издательства:

www.chernaya100.com

Борис Лукьянович Солоневич

ЖЕНЩИНА С ВИНТОВКОЙ

Чёрная Сотня
Нижний Новгород
2023

ПРЕДИСЛОВИЕ ПОРУЧИКА КРЫЛОВОЙ

Нет, право же, странные существа эти мужчины! Им вот всё — вынь да положь. Это как маленький Горя, — глядя на луну: «Дай мне, мамочка, этот фонарик с неба». Разве девочка могла бы такое сказать? Дай да дай. А как — это мужчин не касается...

Пристали ко мне Жора и Горя, как с ножом к горлу — напиши да напиши свои воспоминания. «Ты, — говорят, — одна из последних оставшихся в живых офицеров женского батальона. Ты обязана перед Россией (слова-то какие нашли! Ах, эти уж мне мужчины!) оставить для русской молодёжи память о героической попытке женщин в трудное время взять винтовку и показать мужчинам пример защиты своей Родины...»

Говорят, — и не без резона, — что женщина никогда долго не может противиться просьбам любимого. А на меня тут насели сразу двое мужчин и — положение создалось безвыходное — оба любимых: мой муж — Жора и сынишка Горя. (Они оба — Георгии и получили разные домашние имена «для отлички», как говорит сынишка. Вы, кстати, не думайте, он у меня настоящий мужчина, правда, не годами — ему только минуло 15 лет, но зато меня уже перерос на целую голову).

Да так вот — «напиши да напиши»...

— Я ведь не умею, — защищалась я. — Это ведь не шутка: целую книгу написать.

— Ничего. Мы тебе сообща поможем. «Миром»... А потом попросим кого-нибудь понимающего поправить.

— Да я уже всё забыла. Ведь прошло уже почти 30 лет. И каких лет!..

— Ерунда это! Такие впечатления не забываются. Только сядь за бумагу — всё вспомнится. И назови — «Записки женщины-офицера».

А тут Горенька просунул свою черепушку под руку (это его любимая штучка, если нужно и к мамочке подластиться) и этак умильно просит-ноет:

— Напи-и-иши, мамочка! А то мне, право, неловко: товарищи в школе задразнили — «сын двух офицеров». А тут я им в зубы твою книгу и суну: читайте, мои черти иностранные! Вуаля!

А и действительно с Горей недавно в школе приключилась смешная история. Нужно было зачем-то указать, кто такие родители. Он и ответил: отец — русский офицер. А мать? — «Тоже русский офицер»... Ему бы сказать — сестра милосердия — моя теперешняя специальность, а он... Ну, в школе так и вскинулись: «Как это так — мать офицер?» — «А очень даже просто — она поручик Российской Армии, ранена в боях с бошами, имеет высший орден св. Георгия Победоносца...»

Ну, конечно, всё потом объяснилось, но с тех пор Горю так и не перестают дразнить в школе — «сын двух офицеров». Вот почему он так сильно и просит.

— Но, какие вы, право, смешные! «Напиши да напиши». Это ведь не письмо простое.

— А ты и пиши попросту, как вспоминается: без всяких фокусов.

— Да с чего я начну?

А Горенька уже почувствовал, что мамочка сдаётся, и лукаво смеётся:

— А ты начни, мамулечка, с самого что ни есть с начала. Вот, например, сколько немцев и большевиков ты убила своей собственной рукой? И как ты сражалась?

— Милый мой дурашка! Да разве **такие** ощущения могут быть переданы на бумаге? **Как** можно передать впечатления 18-летней девушки, впервые попавшей в боевой огонь?..

— А ты пиши так, как нам рассказывала у камина...

Конечно, никакого камина у нас нет. Так Горя поэтично зовёт нашу маленькую печку, около которой в осенние и зимние

вечера мы усаживались и рассказывали друг другу, что вспомнится из прошлого.

Жора тоже смеётся, предчувствуя мужскую победу.

— Да, раскачайся, Ниночка. Всё, что напишешь, — будем давать на проверку Горе: если его захватит — значит, хорошо. Если нет — будем переделывать. А потом и писателя для шлифовки найдём.

...Ну, что тут было делать? Ведь знаю мужчин — они не отстают, пока не получают, чего им хочется. Такая уж наша бабья доля — всегда уступать мужскому напору... Пришлось сдаться...

Но когда я стала перебирать, перечитывать свои записи и дневники того времени, когда я стала вспоминать пережитое тогда — прошлое снова захватило меня. И снова пережила я яркие, напряжённые, солнечные и кровавые дни лета 1917 года. И гордое чувство за Русскую Женщину опять поднялось в моей душе. Нет, правы Жора и Гора — **нужно**, чтобы русская молодёжь прочла простые воспоминания участницы этого беспримерного подвига — когда миллионы мужчин, усталые, изверившиеся, заражённые ядом большевизма, заколебались на фронте — нашлись сотни молодых женщин, бесстрашно пошедших на смерть за свою Родину.

Я нисколько не жалею о том, что **тогда** пошла на фронт, хотя наша кровь не спасла в то время России. Но сияние нашего женского подвига останется навсегда в истории России. И частичка моего бессмертного «Я» останется не только в моём сыне, но и в памяти, в славе моей Родины.

**Нина Крылова,
поручик Российской Армии, Кавалер Ордена
св. Великомученика Георгия Победоносца.**

«Лучшее достояние России – это русская женщина».
Максим Ковалевский (знаменитый учёный и мыслитель).

НЕСКОЛЬКО СТРОК ОБЪЯСНЕНИЙ АВТОРА

Должен признаться честно — мне было очень трудно помочь Крыловой «создать» эту книгу — среднее между романом и документом. Ещё труднее было сохранить в старых записях и рассказах аромат и очарование переживаний того периода. Да и **как** можно передать чувства молодой девушки, в пылу боевого опьянения вонзавшей штык в тело врага, а потом трящейся в рыданиях в уюлке окопа с побледневшим лицом и безумными глазами?

Но работал я над приведением в литературную форму этих записей, дополнительных данных и рассказов с громадным увлечением. Не знаю, прав ли был «Таймс», назвавший женский батальон «величайшим явлением в истории женщин со времён Жанны д'Арк». Не нам, русским, об этом судить. Но и в самом деле, где в истории мира было, чтобы батальон женщин, выдержав с честью несколько больших боёв с таким противником, как германские войска, отбив в течение 4 суток 10 атак, ответив 11-ю контратаками, прогнав 4 линии германской обороны, захватив около 200 пленных (мужчин!), оставил в братских могилах и госпиталях почти половину своих бойцов?

Мужчины описывали свои боевые переживания много раз. Но как может описать их женщина-солдат, после месяца подготовки брошенная в бой с искусным и жестоким врагом?

Но всё же в воспоминаниях Крыловой есть много того, чего мы, мужчины, не знаем и не подозреваем. Я не старался этого объяснить, а только передать честно и как можно более точно, сознавая, что именно в этом мой долг писателя, гордящегося

тем, что именно в России был такой блестящий, неповторимый в истории мира случай, когда женщина с винтовкой в руке героически сражалась за честь своей Родины.

Борис Солоневич
Брюссель 1946 г.

(Закончено в тюрьме Сен-Жиль под угрозой высылки в СССР по требованию Советов, как «военного преступника».)

* * *

Документальная сторона романа сверена и дополнена по рассказам и материалам поручика Магдалины Скрыдловой (Вальгер), б. адъютанта «Женского Батальона Смерти»; протопресвитера о. Александра Шабашева, бывшего свидетелем боёв батальона; по книге «Яшка» капитана Марии Бочкарёвой, командира батальона, по «Архиву Русской Революции» и живым рассказам русских офицеров, знавших жизнь и бои батальона.

ГЛАВА I

ГЕНИЙ-РАЗРУШИТЕЛЬ

— Товарищи! Вам твердят — «защищайте свою родину, убивайте врага, подчиняйтесь офицерам». А я вам говорю: Родина эта — выдумка буржуазии для околпачивания трудящихся. Честный рабочий не имеет отечества. Его родина — это интернациональная семья мирового пролетариата, стремящегося освободиться от цепей капитализма. Братайтесь с немцами — они такие же рабочие и крестьяне, как и вы. Цели империалистической бойни им так же чужды, как и вам. Не слушайтесь своих офицеров, слуг царского режима и буржуазии. Бросайте фронт и идите к себе делить землю и имущество помещиков!..

...Резкие слова падали, как камни в воду, вздымая хаотические брызги недоумённых мыслей. Я, откровенно говоря, была прямо ошеломлена ими. Всё было так необычайно: на серой башне броневика стоял небольшой человечек в штатском костюме, толстенький, лысоватый, с обыкновенной бородкой клинышком и, размахивая смятой кепкой, бросал в толпу необычайные зажигательные слова.

Мне сперва всё это показалось шуткой, каким-то театральным представлением: эта громадная толпа перед Финляндским вокзалом, алые знамёна, плакаты:

«Да здравствуют Советы Рабочих, Крестьянских и Солдатских депутатов»,

«Долой министров-капиталистов»,

«Мир без аннексий и контрибуций».

Рёв оркестров, восторженные лица, серый броневик со смешной фигуркой наверху. Но потом я заметила, с какой необычайной жадностью прислушиваются к его словам сотни напряжённых лиц рабочих и солдат, и поняла, что тут ЧТО-ТО есть.

Я помню — был первый настоящий солнечный весенний день. Снег ещё сиял на крышах и в парках, но на петербургских улицах было уже грязное коричневое месиво.

Мы с Лидой, моей сестрой, которая приехала с фронта в отпуск, долго гуляли по Стрелке, и она рассказывала мне свои переживания сестры милосердия. Хотя рассказы её были довольно мрачны, но весеннее солнышко как-то заставляло забывать смысл её слов. Пусть кончался третий год тяжёлой войны, пусть страна начинала лихорадить в первых приступах странной болезни — революции, пусть все были словно помешанными, потерявшими какой-то ориентир в жизни, но солнце пронизывало всех и всё своей радостью, теплом, сиянием. Ну и, конечно, нужно ещё добавить, что мне в то время не было ещё 18 лет, и жизнь представлялась мне чем-то средним между занимательной игрой и весёлым представлением.

Рассказы Лиды входили в одно ухо и уходили в другое ухо. И когда мы наткнулись во время прогулки на этот странный митинг — я была рада новой забаве, новому развлечению. Но скоро речь странного человека на броневике перестала казаться нелепой, а стала даже пугать.

— Дорогие товарищи солдаты, матросы, рабочие, — неслись с броневика крепкие, твёрдые слова, словно этот маленький человечек хотел их забить, как гвозди, в головы слушателей. — Разбойная империалистическая война — это начало гражданской войны во всей Европе. Близок час, когда по зову нашего товарища Либкнехта народы повернут штыки против эксплуататоров, капиталистов. Мировая социалистическая революция поднимается. Германия кипит, и, может быть, завтра европейский империализм падёт!..

Русская революция начала новую эпоху..

Да здравствует мировая социалистическая революция!

Человек широко махнул своей серой кепкой, и толпа ответила бурными криками.

— Товарищи, — продолжал Ленин властным тоном, чувствуя, что он уже владеет толпой, и слова его звучали уже приказом. — Довольно проливать свою кровь за интересы фабрикантов, помещиков, капиталистов. Протягивайте братскую руку немецкому пролетариату. Ваши враги — не немецкие солдаты, а эксплуататоры и буржуазия, посылающая вас на смерть за свои интересы.

Война войне...

Мир хижинам — война дворцам!..

Долой разбойную империалистическую войну...

Грабь награбленное!..

Да здравствует власть Советов!..

Мне показалось, что в широком, чуть монгольском лице оратора проскальзывает что-то истинно дьявольское. Я невольно схватила руку Лиды и спросила соседа.

— Кто это такой... там?

Бородатый солдат с простым русским лицом сурово глянул на меня.

— Это-то? А — Ленин...

Он сказал это так просто, словно мне после его объяснения всё должно было стать ясным и понятным.

— Но... кто это такой — Ленин?

Солдат посмотрел на меня с досадой.

— Это, видать, — буржуйка? Ленина не знать? Ленин, барышня, — спаситель наш... Отец родной. Глаза нам раскрывает на нашу серую жизнь. Учитель — одно слово...

— Чему же он учит? — насмешливо спросила Лида.

Солдат недовольно покосился на её форму сестры милосердия и сдержанно, но мрачно ответил:

— А вы бы, сестрица, лучше б слушали. Его даже дитё понять может. А вы ведь, кажись, образованная!

Ленин между тем закончил свои выкрики и, сопровождаемый восторженным рёвом толпы, сошёл с башни броневика. Оркестры заиграли «Марсельезу» — тогда революционный марш. Бодрый ясный звук знакомого всем мотива несколько развеял наше смущение. Опять всё показалось театром. Ликующие восторженные лица с широко раскрытыми орущими ртами невольно заражали своим волнением и восторгом. Лида засмеялась.

— Как это объяснить? Хоть и непонятно всё это, а как-то действует!

— Что ж тут непонятного? — раздался сзади голос. — Прохвост, пораженец и больше ничего! Простым людям головы мутит.

Говорил молодой высокий солдат с погонами вольноопределяющегося и с георгиевской ленточкой на борту шинели. Левая его рука висела на косынке. Славное открытое лицо было нахмуренным и сердитым.

— Как так «пораженец»? — с недоумением спросила я.

— А очень просто, — объяснил доброволец. — Пораженец — это тот, кто хочет, чтобы наша Россия была побеждена в войне.

Мы с Лидой поглядели друг на друга с ещё большим недоумением.

— Да разве есть такие?

— Но ведь вы сами только что слышали — «Долой войну», «заклучайте сами мир, бросайте фронт и идите делить землю»... Негодяй!

— А вы, товарищ, полегче, — угрюмо сказал сзади пожилой рабочий. — Если вы это насчёт товарища Ленина — за такие слова можете и ответить.

— Да уж не вам ли отвечать буду? — презрительно повернулся к нему вольноопределяющийся.

— А может, и мне, — злобно отрезал рабочий. — Хоть, видать, вы свою кровь за буржуев и пролили (он насмешливо ткнул пальцем в повязку), одначе нашего Ленина лучше не трожьге, — это вам может дорого обойтись!

— Не напугаешь, — вызывающе поднял голову раненый доброволец. — А видно, правда глаза режет. Кто во время войны призывает солдат не драться, а идти грабить — тот изменник и негодяй.

Слова прозвучали звонко и полновесно. Серые глаза глядели открыто и прямо, щёки зарумянились. Стычка стала привлекать внимание.

— Это про кого он так?

— Да про Ленина.

— Это Ильич-то наш — негодяй??? Как: он Ленина цапает?..

А ну, давай как ему, Митюка, в рыло, хуч ён и ерой...

Около нас стала собираться группа рабочих и солдат, враждебно смотрящих на вольноопределяющегося. А тот смело продолжал:

— Ленин — просто немецкий провокатор. Его немцы нарочно к нам через всю Германию в запломбированном вагоне прислали армию и народ смутить. Его не слушать, а повесить нужно.

Молодой доброволец был явно рассержен, словно Ленин оскорбил его лично. Мне он сразу показался честным, милым юношей, и стало страшно, что он ввяжется тут в скверную историю. Действительно, в среде окружающих его смелые слова вызвали возмущение. Резкие реплики слышались то здесь, то там.

— Тожа, кусок буржуя, нашего Ленина хаит! Молод ещё...

— Такие вот, несознательные, только под ногами путаются...

— Ерой тожа выискался. Нам, браток, что Николай, что Вильгельм — всё едино: одного поля ягода — кровь народную пить!

Настроение накаливалось. Какой-то молодой фабричный, истасканный, худой, видимо, чахоточный, с горящими ненавистью глазами сипел сбоку:

— Морду ему за это набить, и всё тута...

— Да ведь он георгиевский кавалер!

— Ну так што? Через это он свлотой перестал быть, что ли? Буржуйский прихвостень! Наутюжить ему рыло!

Вольноопределяющийся услышал угрозы и обернулся.

— А ты, парень, осторожней на поворотах! Ты тут от фронта ловчишься, а я уже третий год в окопах.

— Ну и дурак! Вольно ж тебе за капитализм кровь свою проливать? — грубо отозвался фабричный. — Это чтобы буржуи на нашем поту да крови мельёны наживали? Нет, браток, таких дураков, как ты, а всё меньше нонеча находится. Ленин вона умному учит — бей буржуев! Долой войну!

— Но Россию-то ведь нужно защищать? — воскликнул с возмущением вольноопределяющийся. — Если армия сражаться не будет — Вильгельм и сюда придёт.

— Ну вот. Что он тута забыл? А надо, чтобы и у ермана тоже рабочие евонные винтовки свои побросали. Вот общее замирение и будет. Чтобы, значит, без некциев и контрибуциев...

А тем часом буржуям по шеям. Скинуть их и вольно зажить. Своим рабочим государством!

— Дурак ты и больше ничего, — вспылil раненый доброволец. — Там на фронте твои братья умирают, а ты тут политикой занимаешься. Шёл бы лучше на войну, Родину защищать.

— Ишь ты... Роо-о-дину? А сам, небось, сестрицами обложился по самое горло, а других в окопы тянет. Ишь, кралей-то каких заимел.

Грязный палец нахально ткнул меня в плечо. Здоровой рукой вольноопределяющийся резко оттолкнул парня.

— Эй ты, холера ходячая, полегче с грязными лапами, а то...

Брови молодого человека нахмурились, и краска гнева опять покрыла его лицо. Странная мысль почему-то мелькнула у меня: я подумала, что он, вероятно, ещё никогда в жизни даже и не брился — так свежи и розовы были его молодые щёки. В круглом подбородке была чуть заметная ямочка — почему-то останавливавшая мои глаза. И вообще мне он сразу понравился — в нём была привлекательная смесь мальчика и мужчины, — какая-то весёлая мужественность.

Но мне стало немножко страшно, когда он вступился за меня. Один, раненый, перед этими озлобленными рабочими, раскалёнными жгучими словами Ленина. Я взяла его под здоровую руку и тихо сказала:

— Перестаньте, ради Бога, задираться с ними. Долго ли до несчастья?

Он с открытой улыбкой взглянул на меня сверху (я была на голову ниже его) и с благодарностью чуть прижал к себе мою руку.

— Ничего, барышня. Таким хулиганам нельзя потакать. Я на фронте не боялся, так уж тут в Питере...

— Правильно, товарищ, — прервал его сбоку какой-то странный грубый голос. — Эта вот тыловая сволочь завсегда норовит: с честными солдатами задираться.

— А ты откуда такой герой выискался? — с искренним удивлением спросил худой мастеровой. И действительно было ему чему удивиться. К нам через толпу пробился низкий крепкий коренастый унтер-офицер с двумя георгиевскими медалями. По лицу, простому, круглому, курносому, энергичному ничего

особенного-то определить было нельзя. Но по налитой крепкой груди и раздувшимся на бёдрах брюкам сразу было заметно, что перед нами — женщина. Немудрено, что все невольно повернулись к ней.

— Откуда выискалась? — с нескрываемым презрением ответила женщина-солдат. — Да уж, конечно, не с поганой твоей Лиговки*, а с фронта. Такие вот дезертиры, как ты, по тылам шатаются, честных солдат задирают, а женщина на фронт пошла. Эх ты, ... питерское!

Очевидно, презрительная ругань из уст женщины была для мастерового особенно обидной.

— А ты што лаешься? В штаны выпрядилась, так думаешь, что я тебе сдачи не дам?

— Ты кто? Ты так с фронтовым солдатом разговаривать будешь? Сопляк, сволочь тыловая! Тебе бы только таких вот подлецов, как этот штатский на броневике, слушать, а потом народ мутить? Ах, ты...

Она задохнулась от раздражения. И внезапно быстрым решительным движением она так съездила мастерового по уху, что тот полетел на землю. Солдаты в толпе одобрительно загоготали.

— Это вот по-нашенски... Вот так смазала! Ай да солдатка...

А приятели мастерового налились злобой и полезли в драку. «Солдатка», видимо, также была не прочь подраться, но я испугалась, когда увидела, что вольноопределяющийся, освободив свою руку из-под моей, полез в карман, видимо, за револьвером. На наше счастье, сбоку показался комендантский патруль, боевые инстинкты рабочих охладели, и мы четверо — «солдатка», доброволец и мы с Лидой — поспешили выйти из толпы.

— Ну их к чёрту, — презрительно бросила назад солдатка, словно сожалея, что не пришлось подраться. — Совсем задурен народ. Этот вот сукин сын на броневике с толку сбил всех. А наш народ ведь такой — ему только раскататься... «Долой войну...» И почему таких сразу же на фонарях не вешают... У нас на фронте снарядов теперь — хоть завались, снаряжения — сколько хошь. Армия в порядке — только сигнал дай. Теперь только бы и начать бить немчуру. А он поди ж ты — «долой войну»... Предатель... Сволочь!

* Рабочий квартал Петрограда.

Всё в этой крепкой бабе (именно напрашивалось слово не «женщина», а «баба») дышало решительностью и простотой. Чувствовалось, что она повесила бы этого Ленина тут же без всяких сомнений... Не только мы с Лидой, но и вольноопределяющийся смотрели на «солдатку» с нескрываемым удивлением. Она заметила это.

— Что это вы воззрились? Русскую боевую бабу не видели, что ли, до сих пор? — Весёлая заразительная улыбка вдруг сразу скрасила её веснушчатое лицо и сделала его милым и привлекательным. — Я в солдаты с разрешения Государя Императора зачислена.

Мы шли по берегу канала, направляясь к Каменноостровскому проспекту. «Солдатка» сразу же «попала в ногу» с вольноопределяющимся и, встретив офицера, чётко и ловко отдала ему честь.

— Так что, вы теперь заправский солдат? — с любопытством спросила Лида.

— Ну, может, и не солдат, а унтер-офицер, — с комичной гордостью ответила незнакомка. — Видите — даже георгиевская «кавалеристка», — брызнула она смехом. — Этак меня в полку величают. «Кавалер ордена» — ну, а баба, значит, «кавалеристка»... Давно представлена к двум крестам*, да вот до сих пор не получила — спор идёт, можно ли их женщинам давать. Словно кровь у нас не одна и та же — русская... — в голосе «солдатки» проскользнула обида. — Словно Императрица Екатерина не носила Георгия первой степени. Ну, теперь, может, революция обломает штабные да канцелярские мозги.

Вольноопределяющийся нахмурился, как бы что-то вспоминая.

— А простите... как вас зовут?

— Меня-то? А Марья Леонтьевна, — просто ответила она. И потом, заметив улыбку на лице всех нас, спохватилась. — А по фамилии Бочкарёва. В полку просто Яшкой зовут. Там уж и забыли, что я — баба...

* За четырьмя степенями медали Св. Георгия идут 4 степени креста Св. Георгия и затем для офицеров — 4 степени ордена Св. Георгия. Всё это исключительно боевые отличия Русской Армии.

— Ах, вы и есть знаменитый «Яшка»? — с внезапно ожившимся лицом повторила Лида. — Да о вас из фронта мы все слышали. Это вы на место убитого мужа поступили?

Бочкарёва с безнадежно-шутливым видом махнула рукой. Опять её курносое русское лицо согрелось простой хорошей улыбкой.

— Насчёт меня больше треплются, чем правду говорят. Всего не переслушаешь. А только я уже два года на фронте. Два раза сурьёзно ранена.

— Разве вам не трудно на фронте? — невольно вырвалось у меня.

— Трудно, барышня? — снисходительно оглядела меня Бочкарёва. — Всё в жизни, почитай, трудно. Жить тоже трудно. А только ежели нужно — то какой может быть разговор? А мне, по совести сказать, не с немцами, а со своей солдатской братвой было труднее всего воевать!

— Как так?

— А вот отучить их ко мне с лапами лезть. Они-то все думали, раз, мол, баба, так чего и смотреть... Ну и пришлось показать им, что я не баба, а солдат, товарищ. Уж и начистила же я ихних морд — больше любого боксёра... — её заразительный смех невольно передался и всем нам. Мы все как по команде глянули на её крепкие крестьянские руки.

— Да, да... — продолжала Бочкарёва. — Спервоначалу трудно было, а потом ничего — и я, и солдаты привыкли. И теперь и совсем даже ладно живём. Я — не Машка, а — Яшка. Привыкли ребята и даже любят меня... Так по-хорошему, по-братски. Мужики, ежели их в руках держать — они ничего, не такой уж и плохой народишко...

Мы опять переглянулись и засмеялись. В этой боевой женщине было столько жизни, задора, весёлости и смелости, что, вероятно, все невольно подпадали под влияние её жизнерадостности.

Когда она, испуганно взглянув на большие старинные часы, вынутые прямо из глубокого кармана, извинилась и, крепко пожав нам руки, поспешно ушла, вольноопределяющийся поглядел на меня с улыбкой.

— Вот это называется «бой-баба!». Ей-Богу, вероятно, ни в какой другой стране, кроме России, таких типов не встретить. Словно грозой освежает. И ведь знаете — она действительно на фронте очень известна. Молодец! И какой пример нам, мужчинам!

Мне опять очень понравилось, как просто и сердечно сказал он всё это. Я улыбнулась ему, и... он тоже. Лида, очевидно, заметила это и не без какого-то лукавства предложила незнакомцу зайти к нам выпить чаю.

Тот сконфузился.

— Да, нет... Уж извините, сестрица. Я ведь только что с поезда. Грязный, небритый. (Я почему-то опять взглянула на его розовые щёки, и мне захотелось провести по ним ладонью, чтобы проверить, есть ли там на самом деле следы противной мужской щетины?) Вот еду в отпуск долечивать руку...

— Да что вы, ей-Богу, стесняетесь, вольноопределяющийся, — почти начальственным тоном заявила Лида. — Мы — семья военная. Папа наш — фронтовой полковник, а мамочка — самая уютная женщина в мире. Так что прошу не брыкаться. Бери его, Нинка, с той стороны под жабры в плен. Мы не хуже Бочкарёвой атаковать можем, когда нужно...

Так «взяли мы в плен» молодого добровольца, Георгия Лукина, студента-технолога, раненного под Барановичами. (Ну, вы уже догадались, читатель, что это и есть мой теперешний муж — чего уж тут тянуть?) Так началось наше знакомство, прошедшее через тяжёлые и кровавые испытания, чтобы много лет спустя, уже за границей, закончиться нашим счастливым браком, от которого и появился Жоренька, «сын двух офицеров»...

Теперь, почти через 30 лет, мне трудно объяснить, чем и почему нежный Жора мне сразу понравился. Первая наша встреча, которую я здесь описала, вызвала, конечно, к нему симпатию, но мне кажется, что первой ниточкой, привязавшей к «моему солдатику» девичье сердце, — была оторванная пуговица... Нам тогда же пришлось снабдить Жору папиным бельём, где-то «там» не было пуговицы, и я сама (для себя лично я очень не любила делать этого) пришила её. Жора был сиротой, ехал куда-то на Волгу к тётке и оказался этаким «беспризорным юношей». И вот, кажется, эта самая пуговица, эта маленькая

женская забота «пришила» меня к высокому скромному студенту. А впрочем... Разве можно сказать, что, как и всегда именно привязывает женское сердце? Где-то у Марка Твена Ева обдумывает, почему, собственно, она любит Адама. И приходит к неожиданному для себя самой выводу — «я люблю его, потому что он мой и мужчина. Других причин, по-моему, нет...» И это верно. А может, был прав и Оскар Уайльд, сказав: «женщины любят нас за наши недостатки».

Жора показался мне тогда таким непрактичным, бедным, «беззащитным» против требований реальной жизни, что мне сделалось как-то жаль его. Вот, честный русский солдат-доброволец, с Георгием, раненый, а белья у него нет, гребешок поломан, носовых платков всего два (и каких грязных — ужас, ужас!), денег, видно, тоже не густо. И всего-то у него есть — молодость, смелость, простота и хорошие честные серые открытые глаза.

Так почувствовала я симпатию и жалость к Георгию Лукину, скромному герою. С этого-то, видно, и началось...

Так в один день, 3-го апреля 1917 года познакомилась я с тремя людьми, которые по-своему все трое сыграли роль в моей жизни — Лениным, Бочкарёвой и Лукиным. Судьба? Совпадение? Случайность? Кто скажет?..

ГЛАВА 2

РУССКАЯ ЛИХОРАДКА

Теперь немножко обо мне и о «том» времени. Господи, как давно это было! Словно столетия промчались над моей головой...

Наша семья была, так сказать, наследственно военной. Сколько я знаю — все наши деды и прадеды были военными, участвовавшими в боях и под Бородиным и под Севастополем. Отец мой командовал полком — теперь где-то на Карпатах, и поэтому понятно, почему мы с детства были окружены атмосферой военного мира.

Моя старшая сестра Лида была в то время сестрой милосердия. Ей, бедняге, очень не повезло в жизни. Её жених, офицер, был убит наповал во время первых же атак на Восточную Пруссию. Именно это заставило её посвятить свои силы раненым и больным на фронте. Впоследствии, во время гражданской войны она была сестрой в армии генерала Корнилова; во время отступления этой армии осталась с ранеными в какой-то казачьей станице, была замучена и зверски убита большевиками.

В то время, которое я описываю — весна 1917 года, она всё время уговаривала меня также поступить в сёстры милосердия, но я решила сперва окончить гимназию — это важное событие должно было произойти в конце апреля. Обидно было бросать гимназию за какой-нибудь месяц до получения диплома.

Время было путаное и полное грёз. Сколько позже я ни читала книг про это время — никто не мог толково описать,

ЧТО ИМЕННО происходило в России и с Россией в начале рокового 1917 года.

Пусть читатель не ждёт этого и от меня. Я ведь не хочу давать вам мои теперешние мысли. Мне хочется представить вам себя такой, как я была в то время — весёлой, смешливой, жизнерадостной девушкой неполных 18 лет. ЧТО могла я понимать в сложности того времени...

Но всё-таки несколько слов сказать нужно.

После военных неудач 1916 г. страна с громадным напряжением перестроилась на военные нужды, армия была реорганизована, пополнена, снабжена всем необходимым для военного наступления 1917 года. Папа говорил, что наступление это должно быть удачным и решающим. Немцы не могли выдержать русского удара. Но в это время внутри страны уже что-то бродило, какие-то смутные предвестники бури. В декабре 1916 года Великий Князь с членом Государственной Думы Пуришкевичем и князем Юсуповым, теннисным чемпионом, убили Распутина, злого гения России и доброго гения Цесаревича*.

Убийство Распутина словно ещё больше надломило внутренние силы страны. Пришла февральская революция, выросшая из продовольственных беспорядков; ударило, как громом, отречение Царя от трона, и после этого словно что-то сорвалось с петель, со стержня. Или, как потом говорили бородачи-солдаты:

«Расея Матушка на Царе, как на шкворне, держалась. Ну, а теперя сломался шкворень, и пошли колёса в разные стороны колесить. Добра с этого не быть...»

Другой выразился почти так же:

«Сбили с Матушки России царские обручики, бережно, крепко и умело её державшие веками. Ну и рассыпается русская клёпка...»

* За границей о Распутине жёлтая пресса распустила много разных сплетен. Его история не была такой гнусной, и он сам был в своём роде человеком исключительным и даже таинственным. Будучи глубоко верующим, бессеребренником, он своей таинственной силой не раз спасал больного Наследника Цесаревича от смерти и предсказал точно свою смерть, смерть Царской семьи и крушение Империи.

И, действительно, даже я, весёлая, беззаботная гимназистка, чувствовала, как назревает в стране что-то грозное. Все были пьяны революцией. Всем она представлялась не кровавой гнусной мегерой, как мы знаем её теперь, а Алой Принцессой сказки.

Красные банты, восторженные речи, знамёна, оркестры, яростные споры, политические разглагольствования о «свободе» — всё это создавало атмосферу нездоровой лихорадки. Что будет дальше с Россией — никто не знал. Теоретически считалось, что Временное правительство будет продолжать войну «до победного конца», а летом Учредительное Собрание определит форму дальнейшего государственного устройства России. С наблюдательностью молодой девушки я отметила тогда же, что монархия не перестала существовать в России. Великий Князь Михаил, которому Государь передал трон, только отложил принятие власти до «волеизъявления народа» на Учредительном Собрании*.

Газеты того времени были полны политикой — тогда все вдруг стали «политиками» и важно рассуждали о государственных вопросах. Я тоже пыталась читать эти газеты, но, признаться, начинала тут же зевать, и меня тянуло ко сну. А вместе с тем простые слова Ленина, брошенные в толпу с броневика на «том» митинге, с какой-то странной резкостью врезались мне в память. В них была какая-то страшная сила, и, помню, в тот же вечер, проводив на вокзал Жору Лукина (в глубине сердца я называла его уже «Жорочкой»), я долго не могла уснуть и всё старалась понять, о чём же, собственно, говорил этот толстенький человек — Ленин.

Выходило что-то неразрешимое. С одной стороны, я не питала никакой злобы к какому-нибудь Миллеру, а с другой, он пришёл незванный на русскую землю. Правда, он пришёл сюда не по своей воле, мобилизованный, но ведь как раз в это время он, может быть, убивает моего папу. И если, по Ленину, не надо воевать — то кто же тогда защитит нашу Родину, если немцы будут наступать? И кто на кого, собственно, напал? Кто виноват в войне? Почему простой народ отвечает за чьи-то ошибки... Почему,

* С точки зрения законов России молодой Великий Князь Владимир, двоюродный племянник убитого Императора, родившийся уже в эмиграции, имеет все формальные права на Российский Престол.

может быть, через несколько дней этот вот «мой Жорочка» будет умирать с пулей Миллера в животе? Справедливо ли это?

Я всё ворочалась на своей постели, не находя ответа. Не хватало знаний, жизненного опыта и... ума для решения этих задач. Впервые в моей жизни чужие слова вызвали в моих мыслях такую бурю. Лида, которая, приезжая в отпуск, всегда спала в моей комнате, заметила моё волнение и не без ласковой насмешки в голосе вдруг лукаво спросила:

— Что, Нинка, всё о своём бедном солдатике думаешь?

Я почувствовала, что кровь приливает к моим щекам, и страшно разозлилась.

— Ах, какие пустяки! Я не об одном «солдатике» думаю, а о миллионах. И знаешь, Лидка, совсем я запуталась...

И забравшись по старой привычке к сестричке под одеяло, я рассказала ей о своих сомнениях. Та ласково гладила меня по волосам — что-то материнское всегда было в её отношениях ко мне. (Наша мамочка была очень сдержанной на ласку и нежность.) Дав мне выговориться, она тихо, но твёрдо ответила:

— Перестань ты об этом думать, глупышка. Не твоих мозгов это дело. Если Государь, правительство и Государственная Дума решили воевать, как можешь ты спрашивать, это нужно или не нужно, правильно или неправильно?

— Но ведь жизнь-то, шукура-то ведь моя — собственная? Не министерская? Как это можно заставить человека убивать других или посылать людей на смерть? Совсем другое дело, если он идёт добровольно? А если он не хочет? Ведь сам Христос сказал «не убий». Как же так? А вот Ленин сегодня кричал, что простой народ от войны только проигрывает...

Лида продолжала гладить мою голову, пока я, захлёбываясь от волнения, «выкладывала» ей, что у меня на душе. Молодые годы так чувствительны к вопросам правды и справедливости. Недаром кто-то сказал, что самый благородный возраст человека 15–18 лет. А генерал Баден Пауэль создал свою гениальную систему скаутского воспитания как раз на учёте этих рыцарских качеств молодой души. «Инстинкт справедливости» особенно силён в молодости...

— Государство, — объяснила мне сестра, — это вроде большого организма: мозг приказывает — руки подчиняются.

— Но ведь, если палец сунуть в огонь — он сам оттуда удирает?

Лида засмеялась.

— Ну, не всегда. Читала в истории древнего Рима, как Муций Сцевола добровольно сжёг свою руку?

— Так не всем же быть Сцеволами? Вот тот солдат-бородач, которого мы сегодня видели на митинге, — он просто не хочет воевать.

— Воевать, милая, никто не хочет. А только у нас есть долг перед Родиной, защита Отечества, родной земли, где родились мы, наши отцы, деды и прадеды. Немцы пришли на нашу землю с оружием в руках. Мы должны выбить их отсюда. Понятно? А насчёт бородача — ты не права, Ниночка. Такие вот бородачи столетиями строили Российскую Империю. И дрались и умирали за неё. Теперь это — только временное помрачение умов. Это он теперь только запутан подлыми людьми и не понимает, куда ему идти. Ленин не смог разрушить Россию сам со своими революционерами, и он теперь хочет сделать это с помощью немцев. Ему нужно наше поражение для собственной выгоды — революции. А нам всем, честным русским людям, нужна победа, чтобы жить мирно и спокойно. Это вот маленький человечек — разрушитель. А мы хотим, чтобы Россия жила. И такие бородачи столетиями строили Российскую Империю. И дрались и умирали за неё. Теперь — это помрачение умов. Знаешь, как пели русские солдаты, когда в первый раз Берлин брали...

— Ну, а как?

Лида пропела старую солдатскую песню:

Где пулей неймём,
Там грудь берём.
Где грудь не берём,
Там Богу душу отдаём.

Спокойные, рассудительные слова сестры смягчили моё бурное настроение. Песня — такая милая русская солдатская песня, просто и гордо говорившая о скромном героизме, о смерти за Родину, как-то заворожила меня. В моём воображении встали ряды таких вот бородачей, которые стеной шли вперёд за Россию. Пули рвали их ряды, штыки разрывали их тела, а они всё шли... шли к победам... И побеждали...

Но утром проснулась я на смоченной слезами подушке. Мне снилось, что какой-то огромный зверского вида немец пронзил своим ржавым штыком сразу и папу и Жорочку...

* * *

Через неделю Жора опять приехал в Петербург и не без смущения зашёл к нам. Лиды уже не было, но мама и я встретили его так сердечно, словно он был старым другом. На моё счастье выпускные экзамены в гимназии были отменены, дипломы давали по отметкам, и, таким образом, я без всякого труда должна была получить скоро желанную бумагу. Почему-то этот диплом в мужских гимназиях называется «аттестатом зрелости», а в женских — просто «свидетельством». Почему юноши могли быть «зрелыми» в 18 лет, а мы нет — я до сих пор не понимаю! Но было немного обидно за женщин. И, кроме того, слова «аттестат зрелости» звучали так гордо и солидно, словно действительно давали право на вступление во взрослую жизнь...

Жора имел больше недели свободного времени, и я взялась показывать ему все красоты и достопримечательности Петрограда — самого чудесного северного города во всём мире.

Я пыталась затевать с Жорой и политические разговоры, но ничего не вышло. Когда я спрашивала его, что такое социализм, он краснел (правда, краснел он часто не из смущения или робости, а такие уж у него были щёки, вспыхивавшие по всякому поводу) — и честно признавался в своём невежестве. Он был натурой артистической и боевой (несмотря на свои девичьи щёки), а в политике не разбирался и не хотел разбираться. Я сперва стыдилась его, но потом перестала, честно рассудив, что человек едет на фронт и не нужно ему морочить голову. Может быть, поэтому и вышло, что я позволила себя поцеловать и даже не раз и два. Ну, конечно, я и раньше целовалась с гимназистами на балах и танцульках, но только теперь я всецело оценила «вкус поцелуя». Право, какая чудесная штука человеческий поцелуй — материнский, отцовский, братский, сестринский и, наконец, «его» поцелуй. «Он» — какое хорошее и сразу понятное слово. Пушкин писал в каком-то своём стихотворении, как какой-то гусар плакался в жилетку своему другу про свою неудачу: «Она», мол, и такая и этакая распрекрасная, нежная и даже даёт себя целовать...

«Так в чём же дело?» — удивился друг. «А беда-то вся в том, что я ей не „он“...» И всё горе бедного гусара понятно...

А мы с Жорочкой чувствовали себя именно как «он» и «она» — вместе. Ворковали, дурачились, хохотали, капельку целовались — ей-Богу, совсем, совсем невинно (да он и не умел, по правде сказать, как следует целовать, и эта его неуклюжесть была очень «уютна»). И совсем, совсем не думали мы о будущем. Кто тогда мог бы сказать, что пройдут страшные месяцы, а потом годы, и мы за границей встретимся с этим скромным добровольцем с георгиевской чёрно-оранжевой петличкой на борту шинели.

И что он тогда будет уже капитаном, а я... Боже мой, как могла я даже представить себе, что я буду поручиком Российской Армии, героем женского батальона смерти...

Странное дело: мне не было очень грустно, когда Жора уезжал на фронт. Радость жизни и полнота сердца не допускали печальных мыслей. Я думаю, что первая девичья любовь всегда жадна, эгоистична и, так сказать, лична.

«Он», первый «он» — как-то абстрактен: просто первый мужчина, который стал ближе девичьему сердцу. И в этом сердце, в девичьей душе, в чувствах в это время такой кавардак, так много того, в чём ещё невозможно разобраться, что нет никакой объективности, и круг жизни, хотя и блестит всеми красками радуги, но страшно узок. А, может быть, вернее сказать, что в этот период мозги совсем атрофированы — только сердце поёт первую песню победной любви, глаза сияют, губы смеются и руки так и тянутся обнять «его»...

Итак, Жора уехал, а в моём сердце продолжали петь беззаботные птички первой девичьей любви. За Жору, уехавшего в бой, не было ни тени беспокойства. Казалось совершенно невероятным, что Жору, моего Жору, могут на фронте убить, как убили немцы жениха Лиды. Любой вольноопределяющийся 13-миллионной Русской Армии мог быть очень даже легко и просто убит, но никак не Жора. Хорошо сказано у Пушкина:

Гадает ветренная младость,
Которой ничего не жаль,
Перед которой жизни даль
Лежит светла, необозрима...

Я не знаю почему, но тот период моей юности кажется теперь, спустя почти 30 лет, каким-то светло-розовым и немножко смешным. Пожалуй, каждый возраст имеет свою прелесть, но молодость не умеет наслаждаться в полной мере своей молодостью — слишком она ещё глупа... Разве может, например, молодой, здоровый «бронейбойный» желудок понять по-настоящему тонкую кулинарию? Только на склоне своей жизни может человек, приобрет жизненный опыт, понять, что такое действительно хорошо приготовленное кушанье. И какие-нибудь американские миллиардеры, в погоне за своими долларами потерявшие здоровье, взывают в газетах — «миллион долларов за здоровый желудок»...

А искусство, а музыка, а красота Божьего мира — разве всё это доступно пониманию и чувствам юности? Она, эта молодость, живёт только внутренними ощущениями, кипением своей собственной жизни. Окружающее как-то проходит мимо... Разве может, например, молодость провести час ночью в саду, глядя на высокое звёздное небо и поражаясь чуду Божьего мира и ничтожности человеческих песчинок во вселенной... Молодость живёт сама собой, но, по правде сказать, не ценит она, эта молодость, своих красок и своих ощущений. Чего стоят, например, одни эти первые смешные, глупые, неловкие поцелуи, о которых в зрелом возрасте человек вспоминает с увлажнёнными глазами и нежной улыбкой. И осторожно вынимает эти бриллиантики воспоминаний из шкатулки прошлого, чтобы ласково и немножко печально улыбнуться и, с бережной нежностью уложив обратно, вернуться к жизненному бою сегодняшнего дня...

Но всё-таки я думаю, что люди переоценивают краски и радости молодости. Возьмите хотя бы материнство — сколько радости даёт мне и теперь мой Горенька, хотя он уже на голову перерос меня? Есть во взрослом человеке что-то, что зовётся — то ли жизненным опытом, то ли житейской мудростью, что окрашивает всё в жизни мягкими красками понимания, снисхождения, ясности. Это тоже стоит и яркости молодости...

Извините, дорогой читатель, за этакое «лирическое отступление». Вероятно, правда, что перешагнув половину своей жизни, человек становится немножко философом...

* * *

Итак, я продолжаю свой рассказ...

Апрель 1917 года. Наша Россия мало-помалу погружалась в состояние хаоса. Ленин продолжал с балкона занятого им силой дворца громить правительство «буржуев, империалистов и классовых врагов пролетариата», призывать к развалу фронта, к братанью с немцами, к неповиновению и дезертирству. От него, как от какого-то заразного центра, шли постепенно во все углы фронта и страны волны какой-то растерянности, потом недоумения, потом задумчивости, досады, ненависти и решимости не подчиняться и разрушить тот государственный режим, который послал простых людей на фронт, вместо того, чтобы им сидеть в родной хате, обнимать свою привычную бабу, вести хозяйство и не думать ни о чём, что крупнее своей деревни или своей волости.

И Ленину всё сходило с рук. Был сумасшедший период опьянения «свободой». Всё было позволено. Каждый «занимался политикой», как ему хотелось...

А на фронте в то время готовилось наступление. Министр Керенский входил в ореол своей славы. Он носился по всей России, по всем фронтам и всех «уговаривал». Уговаривал: солдат — воевать, крестьян — не забирать помещичьи земли, рабочих — работать на оборону, граждан — повиноваться Временному правительству, интеллигенцию — быть достойной «завоёванной свободы».

Красивые слова сыпались из его уст, как весенний дождь, но всё это мало помогало. Особенно остро стоял вопрос на фронте. Армия технически была подготовлена сильнее, чем когда-либо в истории России, но в её душе появилась уже какая-то злоеющая трещина. Не столько усталость, как какое-то безверие. Солдаты ещё не кричали ленинское «Долой войну!», но уже спрашивали: «зачем эта война нам нужна?» и «зачем мне эта победа, ежели из моего брюха будет лопух расти?».

Я лично по-прежнему плохо разбиралась в происходящем и только ощущала чуткой молодой душой, что тут «что-то не так». Что именно — я не могла понять, но сердце уже начинало чувствовать какое-то всё растущее грозное напряжение и неизбежную беду.

Вы прочитали первые две главы книги Бориса Солоневича
«Женщина с винтовкой».

В полной версии книги более 150 страниц увлекательных
и проникновенных приключений простой русской девушки,
«в тяжёлую годину Родины взявшейся за тяжёлую винтовку».

Приобрести книгу можно на сайте издательства:

www.chernaya100.com

ОГЛАВЛЕНИЕ

<u>Предисловие поручика Крыловой</u>	<u>4</u>
<u>Несколько строк объяснений автора</u>	<u>7</u>
<u>Глава 1 Гений-разрушитель</u>	<u>9</u>
<u>Глава 2 Русская лихорадка</u>	<u>20</u>
Глава 3 Прапорщик Бочкарёва	29
Глава 4 Первый строй	40
Глава 5 Будни учёбы	49
Глава 6 Перед отправкой на фронт	62
Глава 7 Русские «Жанны д'Арки»	76
Глава 8 Боевое крещение	88
Глава 9 Петроград перед взрывом	99
Глава 10 Кровь и подвиг	114
Глава 11 Передышка между грозами	127
Глава 12 Смерть батальона	134
Глава 13 Агония России	140
Глава 14 Последние пули женского батальона	147
Заключение	155

Борис Лукьянович Солоневич

Женщина с винтовкой

Художница обложки Сакина Зульфиевна Зейналова
Набор Ася Юрьевна Сопот
Корректурa Михаил Спартакович Тейкин
Дарья Александровна Пинигина
Технический редактор Тимур Русланович Венков
Вёрстка Фёдор Александрович Мишутин
Главный редактор Дмитрий Николаевич Бастратов

Выпуск подготовлен командой
интерактивного издательства «Чёрная Сотня».

«Чёрная Сотня» — книжное издательство, основанное двумя студентами в 2013 году. Наша Миссия — восстановление и возвращение в Россию литературного, культурного и научного наследия русского зарубежья, а также трудов, которые по тем или иным причинам не переиздавались в советское время.

Сайт и магазин www.chernaya100.com

Telegram-канал t.me/chernaya100
Группа ВКонтакте vk.com/chernaya100

Формат 60×90/16. Бумага и печать офсетная

Тираж 400 экз.

Издательство «Чёрная Сотня»

Нижний Новгород, май 2023